

УДК 821.161-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-79

И СОЛНЦЕ ВЗОЙДЕТ
Варвара Оськина

Иллюстрация на обложке
и внутренние иллюстрации — *Алымова Дарья, GizSkyriser.*

Дизайн обложки *Юлии Данилиной*

Оськина, Варвара.

О-79 И солнце взойдет: роман / Варвара Оськина. — Москва:
Издательство АСТ, 2023. — 576с. — (Как ориджинал).

ISBN 978-5-17-156486-5

Последние десять лет Рене Роше бредила нейрохирургией, мечтала о ней на университетской скамье, пока стояла стажером в операционных и даже во снах. Но когда до заветной цели остался лишь шаг, смерть учителя перевернула привычный мир вверх тормашками. Теперь у Рене другая специальность, другая больница и... новый наставник, который, кажется, ее ненавидит.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-156486-5

Copyright © Варвара Оськина, 2023
© Алымова Д., иллюстрация на обложку
© Алымова Д., иллюстрации в блок
© ООО «Издательство АСТ», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 1	41
Глава 3	72
Глава 4	113
Глава 5	148
Глава 6	191
Глава 7	227
Глава 8	267
Глава 9	296
Глава 10.....	331

Глава 11.....	361
Глава 12.....	384
Глава 13.....	427
Глава 14.....	461
Глава 15.....	490
Глава 16.....	528
Плейлист	571

Часть 1. Он

Глава 1

Три-два-один...

Включившееся радио наполнило электронным битом по-детски обставленную комнату. Музыка ворвалась так неожиданно, что лежавшая на кровати Рене испуганно вздрогнула и споткнулась на полуслове очередной мнемоники. Однако привычка не подвела, и, схватив валявшийся рядом конспект, она со всей силы несколько раз ударила им по выключателю старенького приёмника. Тот, кажется, был привезён в Канаду чуть ли не первыми колонистами, а потому совершенно не понимал ласки.

Наконец стоявший около кровати пережиток бакелитовой промышленности одумался, и неуместные в этот ранний час басы стихли, однако покой так и не вернулся. Она села на кровати и задумчиво потёрла протянувшийся через всё лицо шрам, что неприятно зудел. Взгляд упал на часы, а руки сами потянулись к тонкой красной полосе, которую так и хотелось расчесать короткими ногтями. Рене одёрнула себя. Надо было собираться, время поджимало, и над крышами Квебека уже серело предрасветное осеннее небо.

Комната вновь сотряслась развесёлым ритмом, и Рене дёрнулась. Во имя Кохера, Бильрота и Холстеда! Так недолго и поседеть! Она нервно хихикнула, представив, что

где-то в своих постелях вот так же вздрагивали неожиданно проснувшиеся люди, и покачала головой. Похоже, диджей решил довести до инфаркта всех ранних пташек, подсунув в эфир этот хит пресвятой девы поп-сцены. Рене снова вздохнула, в очередной раз безрезультатно хлопнула конспектом по кнопке выключения приёмника и всё же вылезла из кровати.

Потерев одну замёрзшую ступню о другую, Рене, пританцовывая в такт песенке, пробежала в холодную ванную, а оттуда — на резиновый коврик размять ноги в *relevé* и *passé*¹ перед долгим дежурством. После под не менее музыкальный стук зубов она натянула шерстяное платье в весёлых ромашках, заплела непослушные светлые волосы в две немного наивные косички и встретилась в зеркальном отражении с собственным нервным взглядом.

Ах, ради бога! К четвёртому году резидентуры² пора бы иметь чуть больше гонора и чуть меньше зубрёжки. Даже если оперировать настолько травмированные нервы предстояло впервые. Даже если до чёртиков страшно. Даже если ради сюжета о Рене Роше сегодня со всей огромной провинции съедутся репортёры, а наставник притащит две группы студентов в назидание подопечной и во имя своего эго. Ведь когда твоя ученица — двадцатилетняя пигалица... Ну хорошо. Двадцатитрёхлетняя. Однако много ли это меняло, если все её однокурсники были лет на пять старше?

¹ *Relevé* — от фр. *relever* — поднимать. Движение, обозначающее подъём на полупальцы.

Passé — от фр. *passer* — проходить. Путь работающей ноги при переходе из одной позы в другую.

² Резидентура — вариант образования после окончания медицинской школы для приобретения узкой специальности. В Канаде в зависимости от направления резидентура длится от двух до восьми лет.

Нет, её возраст действительно стал событием в медицинских кругах, что уж говорить о фамилии!

Роше.

Глупо отрицать, но имя семьи давило. Давило даже в те времена, когда прямо посреди дедушкиного кабинета в Женеве пятилетняя Рене строила кукольные домики из медицинских журналов. Максимильен Роше тогда ещё только претендовал на пост главы Комитета Красного Креста, а потому мог позволить себе несколько вольностей. К тому же он слишком любил свою *petite cerise*¹, что было абсолютно взаимно.

Поскольку родители вечно пропадали в командировках, именно дедушка посещал её выступления в балетной школе, водил в зоопарк и позволял использовать вместо игрушек наглядные макеты печени и почему-то трёх почек. А ещё гордо представлял коллегам и партнёрам, брал с собой на благотворительные вечера, где умудрённые опытом мировые врачи постоянно трепали Рене по белокурым кудряшкам, и не переставал утверждать, что однажды из его внучки выйдет лучший хирург.

Сама она в ту пору не испытывала ни малейшей тяги к какой-либо медицине и, несмотря на невероятные успехи в учёбе, мечтала стать балериной, чем несказанно удивляла знакомых семьи. Кто-то даже неловко шутил, что ей не передался ни один из врачебных генов родителей. Но потом в жизни случился тёмный подвал, протянувшийся от брови до ключицы огромный шрам, и экстерном оконченная с отличием школа. Ну а дальше всё просто: Канада и неожиданно для всех факультет хирургии, куда Рене поступила в четырнадцать лет с опозданием на несколько месяцев.

¹ Маленькая вишенка (*фр.*).

Она хотела сбежать от прошлого и Женевы, однако слава семьи настигла её даже через Атлантику. Увы, вес фамилии оказался слишком большим, вынудив мадемуазель Роше постоянно хватать слишком много нагрузки, зарываться в учебники и зубрить в попытке доказать себе и всему миру, что она не просто известное имя... что она сама по себе. Но, видимо, именно это отчаяние, с которым Рене боролась против предубеждений и ожиданий, принесло ей внимание лучшего в Канаде нейрохирурга, на чьём счету было больше известных учеников, чем у целого медицинского факультета.

Из всех выпускников того года Чарльз Хэмилтон выбрал только её. И хотя поначалу работать с профессором оказалось до чёртиков сложно, спустя несколько лет их деловое общение постепенно переросло в своеобразную дружбу. Они шутили, поздравляли друг друга на Рождество и стали почти семьёй. Девочка, чьи родители восемь из десяти лет проводили в миссиях где-нибудь в Африке, и одинокий старик с мировым именем.

Рене нравился его едкий юмор, топорщившаяся седой щёткой борода и то, как перед сложными операциями он с присущим ему простодушием грассировал американское г в задорном *tout ira bien*.¹ Несмотря на проведённые во французском Квебеке десятилетия, его американский акцент порой вызывал скорбные вздохи у всего персонала. Впрочем, профессору прощалось если не всё, то очень многое, в том числе и отвратительное произношение, от которого вздрагивал каждый уважающий себя франкоканадец. Ведь не любить этого человека было попросту невозможно, даже когда он кидал на амбразуру хирургии малолетнюю соплячку.

¹ Всё будет хорошо (*фр.*).

В который раз вздохнув от нахлынувших переживаний, Рене поскребла ногтями гадко ноющий шрам и накинула тонкую куртку.

Осень в Квебеке наступила как-то слишком уж рано и выдалась особенно суетливой. И всё же стандартное, точно классификация кишечных болезней, сонное утро началось разбег и вместе с медитативно напевающим из наушников голосом не предвещало сюрпризов. Шурша по пути на остановку обёрткой злакового батончика, Рене пинала опавшие листья, глотала из картонного стаканчика пережаренный кофе и вслушивалась в тягучий голос мистера Йорка. Колокольчик из песни убаюкивал нервный мандраж, и когда подошёл первый автобус, волнение прошло. Операция назначена на два часа, а пока... Она уселась поближе к чуть запотевшему окну и закрыла глаза.

Ничем не примечательный путь до больницы прошёл так же скучно, как и всегда. За мутным стеклом медленно проплыла лента низких кирпичных домов, затем мигнули светившиеся жёлтыми фонарями башенки сказочного «Шато-Фронтенак», а потом неуклюжий автобус втиснулся в очередной узкий квебекский переулок и свернул на мост через реку Сен-Шарль, где остановился напротив комплекса огромной больницы. Вылетев из душного транспорта, Рене бегом пронеслась через главный холл и едва успела нырнуть в закрывающийся двери лифт. По пути она кивала коллегам и даже успела обменяться парой ничего не значащих фраз со спорящими в раздевалке ассистентами, прежде чем натянула халат и схватила вишнёвый стетоскоп. Через пару минут торопливый перестук её ярко-жёлтых хирургических тапочек потонул в гвалте утренних коридоров.

В этот час в отделении нейрохирургии было особеннолюдно. Уходившие с ночного дежурства медсёстры

громыхали пустыми каталками, из палаты в палату перевозили аппаратуру, повсюду раздавались приглушённые разговоры, смех, какой-то писк и треск. Конечно, госпиталь при крупнейшем университете и так не замолкал круглые сутки, но в часы пересменок становился похожим на высоковольтную вышку. Под потолком каждые десять секунд оживал сонный динамик, то призывая анестезиолога в пятую операционную, то делая объявления для посетителей; между палатами бродили растерянные родственники пациентов, а в ординаторской напротив негатоскопа допивали вторую чашку кофе врачи. В общем, день набирал обороты, а вместе с ним начинала разбег обычная для резидента канитель ассистентских забот.

— *Bonjour*, Энн, — торопливо бросила Рене молодой медсестре, которая что-то сосредоточенно записывала в электронный журнал и одновременно прижимала к уху телефонную трубку.

Услышав приветствие, та подняла большие голубые глаза, и собранные в два весёлых пучка рыжие волосы, что делали её похожей на милую японскую куколку, задорно качнулись.

— Ты сегодня в «вишенках»? — спросила девушка и перегнулась через собственный стол, пытаясь что-то там разглядеть. Правда, Рене всё равно пришлось задать ногу и продемонстрировать разрисованную улыбающимися мультяшными ягодами ярко-жёлтую тапочку. — Супер! Значит, в эти сутки никто не умрёт. Люблю работать в твою смену, — выдала медсестра, а затем выложила на стойку пачку разноцветных папок и вернулась к расписанию дежурств.

Иногда Рене поражалась, насколько Энн могла быть суеверной и находить благоприятные знаки даже там, где тех от природы не могло быть. Например, эти дурацкие

тапочки-«вишенки», которые якобы приносили удачу. Или вот забытый кем-то в ординаторской кактус, что носил имя «Джек» и обязательно зацветал перед неделей непрерывных операций на черепе, после которой всем в отделении хотелось если не прыгнуть в окно, то напиться до остановки пульса уж точно. Всё что угодно, лишь бы не видеть во сне снова чьи-то мозги. Но, когда Рене уже собралась пошутить об этих приметках, маятниковые двери пафосно распахнулись.

В коридор вышли двое рабочих, а следом за ними вплыл глава отделения. Он нёс в руках огромный рулон со свёрнутым транспарантом и сосредоточенно высматривал нечто неведомое под навесным потолком, прежде чем заметил нужную нишу. Через пару минут под удивлённым взглядом ничего не понимавшей Рене через весь коридор протянулся плакат.

— *Симпозиум по неотложной хирургии в нейротравматологии*, — медленно прочитала она и повернулась к стойке администратора под звук шуруповёртов рабочих. — Что это?

— Очевидно же: симпозиум по хирургии. Неотложной, — машинально откликнулась Энн.

— Но почему?!

Вопрос был риторическим и включал в себя не столько удивление тематикой, сколько «почему именно здесь», «почему именно сегодня» и наконец «почему нам ничего не сказали». Однако, встретившись с укоризненным взглядом дежурной медсестры, Рене нахмурилась.

— Потому что так решило руководство, — проворчала та. — Иди и спроси своего наставника, например. Это он в последний момент настоял, чтобы мероприятие состоялось у нас в отделении.

— Профессор Хэмилтон знал? — Стало ясно, что рабочая смена решила пойти под откос прямо с утра. Рене озадаченно моргнула, а затем растерянно повторила: — Но почему...

— Говорят, из Монреаля прикатит какая-то очень важная шишка. И поскольку последнее выступление до обеденного перерыва закончится аккурат перед твоей операцией, то... — Энн игриво вздёрнула брови, а Рене застонала, — то думай сама, сколько старых маразматиков во главе с главным снобом придут на тебя поглазеть. И это я молчу про придурков с камерами, которые наверняка забудут выключить вспышки.

Чёрт! Унявшаяся было тревога вспыхнула снова, и Рене нервно отбила жёлтым носочком рваный ритм. Она очень хотела знать, почему Хэмилтон ничего не сказал.

— Может быть, он просто забыл? — пробормотала Рене сама себе, но Энн скептически хмыкнула. — Ну не мог же он меня подставить... Это не в его характере. Просто абсурд!

— Угу-угу. Ты всегда веришь в лучшее, радужных единорогов и ванильных пони, — саркастично протянула медсестра. — Спустись на землю, Роше. Тебе осталось два года до экзамена на лицензию. Прости, но пришло время показательных выступлений. А значит, всё. Кыш. Иди работай и повтори там... что вы там повторяете?

— Протоколы.

— Вот. А ещё не забудь про пациентов. Ночью твоего эпилептика перевезли в отделение, просил передать: его больше не тошнит.

Рене недоумённо замерла, пытаясь понять, отчего новость прозвучала столь необычно, моргнула, а потом улыбнулась так радостно, что Энн усмехнулась.

— Он заговорил? О! Спасибо! — Она подхватила папки и перегнулась через стойку, чтобы поцеловать медсестру в щёку. Та смущённо замахала рукой, словно отгоняла надоедливую муху, и вернулась к подсчёту смен.

— Да я-то здесь причём? Ты же оперировала.

— За новости, — мягко ответила Рене. — Сколько бы ты ни ворчала, но ведь любишь сообщать нам хорошее.

Она весело подмигнула, а Энн притворно нахмурилась.

— Твою блаженность даже могила не исправит, — донеслось добродушное бухтение медсестры, когда Рене уже бежала по коридору. — Он в пятой!

Но это она уже видела сама, остановившись около двери с картой пациента в прозрачном держателе. Рене коротко постучала и вошла в палату, которую расчертили золотые полосы утреннего солнца.

— *Bonjour, monsieur Josher!*

— Ах, доктор Роше.

Полный мужчина лет сорока с опухшим из-за недавней операции лицом и перебинтованной головой попробовал сесть, но был тут же остановлен. Привычно взяв пульт, Рене приподняла спинку, а сама одной ногой подтянула поближе стоявший около двери табурет. Шум колёсиков привлёк внимание мистера Джошера. Он глянул вниз — туда, где обутая в жёлтую обувь нога упёрлась в металлическую опору кровати, — и удовлетворённо кивнул.

— «Вишенки».

Рене приподняла брови, отвлекаясь от чтения записей ночной смены, и взглянула на своего пациента.

— Что, простите?

— Вы сегодня надели «вишенки», — как ни в чём не бывало продолжил мистер Джошер, а затем указал на её обувь. — Почитал о вас на больничном форуме... Ну и в Сети, конечно. Когда разрешаешь кому-то вскрыть

себе череп, лучше знать об этом человеке побольше. Правда?

Он весело хохотнул, не замечая застывшего взгляда Рене.

— Неужели? — медленно произнесла она, хотя не сомневалась, что прозвучит следом.

— Да. Вот и узнал про счастливые «вишенки», а заодно и то, что вы внучка самого Максимилиана Роше. Такая честь! После этого у меня исчезли последние сомнения, ведь у такого гения не может быть...

— Что ж, как вижу, речевые навыки интактны, — торпливо перебила Рене, не желая в очередной раз выслушивать сентенции о бездарностях, яблоках и яблонях, а потом ещё массу стереотипов. Она скованно улыбнулась и отложила планшет. — Область, в которой происходили припадки, располагалась рядом с речевым центром, однако нам с профессором Хэмилтоном удалось иссечь её, не затронув когнитивной активности. Это хорошо.

Она приступила к стандартному осмотру, записывая данные с аппаратуры и поясняя свои действия как-то неожиданно резко замолчавшему пациенту. Мистер Джошер внимательно за ней следил, отвечал на вопросы, но больше не делал попыток заговорить. Только когда наконец был заполнен последний пункт стандартной анкеты, он пошевелился и пожевал губами, словно раздумывал о чём-то. Рене же поднялась, чтобы попрощаться.

— Ещё несколько дней возможны головокружения...

— Правду пишут, что с вашим приходом становится легче, — внезапно заметил он и посмотрел в окно, где уже всю разгорался новый день.

— Я всего лишь делаю свою работу, — пожала плечами Рене.

— Все делают, — хмыкнул мистер Джошер. — Одно и то же во всех больницах страны. Протоколы везде одинаковы, но только про вас ходят такие слухи.

— Сплетни, вы хотели сказать, — вздохнула она и подхватила папки с документами.

— Скорее, легенды, — последовала ухмылка.

Рене немного скованно улыбнулась в ответ и досадливо покачала головой. Вот ведь чудак.

— Это обычная психология общения с пациентами. Никакой магии. Об этом ещё писал Бернارد Лаун¹.

Рене пожала плечами, в последний раз напомнила, с какой стороны находится кнопка вызова дежурной медсестры, и вышла из палаты.

Ну а дальше день полетел как-то уж слишком быстро. Потратив всё утро на сумбурные отчёты ночной смены и осмотры своих пациентов, Рене всё же успела до обеда сбежать на несколько докладов симпозиума, выслушала ворчание главы отделения и теперь пыталась готовиться к завтрашнему тесту. Но нервный рабочий пейджер то и дело раздражался вибрацией от сообщений, отчего и без того дёрганая Рене постоянно пугалась и сбивалась с текста. Если так пойдёт дальше, завтрашний тест она точно завалит.

— Хватит переживать, — привычно проворчала Энн.

Медсестра стояла рядом и распечатывала бесконечные листы назначений. Она бросила недовольный взгляд

¹ Бернارد Лаун — американский врач-кардиолог, изобретатель дефибриллятора. Знаменит не только своими разработками в области кардиологии, но и принципами обращения с пациентами, основанными на участии и сопереживании. Его опыт изложен в книге «Утерянное искусство врачевания» и показывает, насколько сильно влияют отрицательные эмоции на состояние пациентов и успешность их выздоровления.

на Рене, которая вот уже вторую минуту нервно крутила меж пальцев ручку, и вдруг принялась шарить в кармане своего костюма. Наконец, найдя искомое, Энн протянула крем.

— Держи. Твоя кожа уже похожа на пережёванный коровой папирус. Скоро кисти совсем засохнут и отвалятся. А если покроешься коростами из-за раздражения, то можешь забыть об операционной. Я тебя туда не пушу.

Хмыкнув, Рене выдавила на ладонь немного вязкой пахнущей пряной мятой массы и принялась методично втирать её в руки.

— Спасибо, вечно забываю... — начала было она, но в этот момент в комнате что-то сильно задрезбужало.

— Что за... — не договорила Энн и замолчала, ошарашенно повернувшись к зазвеневшим окнам.

Те занимали три огромных проёма маленькой ординаторской и открывали вид на парковку перед главным входом больницы. Их пластиковые контуры всегда гарантировали тишину для врачей и пациентов, однако прямо сейчас стёкла в современных герметичных рамах заходили мелкой дрожью. А та перешла сначала с окна на подоконник, а затем пробежала по бетонному полу и ввела в резонанс карандаши на рабочем столе. Сердце Рене на секунду тревожно сжалось в предчувствии землетрясения, но в следующий миг уши неожиданно уловили ритмичный бас, а затем и высокий электронный голос. Тот повторял непонятные, но явно однотипные слова, что сливались в утомительный гул, который приближался откуда-то с улицы и нарастал удивительно быстро.

Молча переглянувшись, Рене и Энн не сговариваясь ринулись к одному из окон. Следом за ними на происходящее решил поглазеть весь оказавшийся в ординаторской